

ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВОЙ И КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ЗАРУБЕЖНОЙ СОЦИОЛИНГВИСТИКЕ

ЭВЕЛИНА МОВСЕСЯН

В 60-е годы социалингвистические исследования на Западе носили главным образом характер эмпирических исследований. Это был период становления социалингвистики как новой особой лингвистической дисциплины. В 70-е годы происходит переориентация социалингвистических исследований. Они все более приобретают характер теоретических исследований, а большинство социалингвистов считают себя лингвистами в широком смысле. Социалингвистика вступает в полемику с традиционной лингвистикой вообще и прежде всего с рационалистическим направлением в современной дескриптивной лингвистике. Главным представителем этого направления является Н. Хомский. Сосредоточив свое внимание на критике его теории языковой компетенции, социалингвисты противопоставили ей так называемую теорию коммуникативной компетенции.

Как известно, Н. Хомский ввел в лингвистику различие языковой компетенции и языкоупотребления¹. Смысл этого различия заключается в том, чтобы попытаться противопоставить реальному языкоупотреблению язык в его идеализированной «чистой» форме. Концепция языковой компетенции Хомского представляет очень давнюю традицию в языкознании, так как на протяжении веков языковеды пытались выделить из массы разноречивых фактов реального языкоупотребления язык в его «чистой» форме. Причем реально употребляемый язык считался по традиции «испорченной» разновидностью языка в его «чистой» форме.

Под языковой компетенцией, или «совершенным знанием языка», Хомский понимает знание языка «идеальным говорящим—слушающим», способным обладать абстрактной системой правил, порождающим язык. В противоположность «идеальному» говорящему—слушающему, неограниченному обладателю языковой компетенции, эмпирический говорящий—слушающий (носитель реально употребляемого языка) применяет языковую компетенцию при постоянно ограничивающих ее условиях. Хомский перечисляет их: ограниченность памяти, рассеянность, перенос внимания и интереса и т. п. Благодаря названным условиям реально употребляемый язык слишком изменчив, слишком хаотичен, чтобы быть доступным описанию. Поэтому, делает вывод Хомский, лингвистическая теория имеет дело в первую очередь с идеальным, а не эмпирическим говорящим—слушающим.

Социалингвисты выступают против такой трактовки предмета и целей лингвистики. Д. Хаймс, У. Лабов и др. выдвигают два важных контраргумента. Во-первых, по их мнению, нельзя согласиться с тем, будто носящие чисто субъективный, психологический характер условия применения языковой компетенции до такой степени

¹ Н. Хомский, *Аспекты теории синтаксиса*, М., 1972, §§ 1, 2.

«портят», до такой степени искажают ее, что реальная речь, понимаемая как «исполнение» (рефогтапсе) языковой компетенции, не поддается научному описанию и, таким образом, не является в первую очередь предметом лингвистики. Во-вторых, по мнению социолингвистов, часть «совершенного знания языка» (т. е. языковой компетенции, по Хомскому) состоит из знания того, как и когда язык употреблять, и что без этих навыков «идеализированный говорящий—слушающий» был бы «культурным монстром»².

На слабые стороны концепции Н. Хомского на Западе одними из первых обратили внимание социолингвисты. В советской лингвистической литературе его вклад в языкознание подвергся строгой, но дифференцированной критике. Приведем здесь лишь оценку воззрений этого лингвиста, данную Г. Джаукяном. Она позволяет отличить действительно ценное от слабых сторон в этих воззрениях. Г. Джаукян четко разграничивает концепцию и метод Хомского. Он справедливо считает, что последний много сделал для развития метода в языкознании, а именно для развития исследования языка, моделирования процессов речи, формализации лингвистической теории, широкого применения метода трансформации. Что же касается концепции Н. Хомского, Г. Джаукян правильно замечает: «Не имея четкой философской концепции в начале своей научной деятельности, Н. Хомский в дальнейшем подпадает под влияние идей Декарта, Гумбольдта и других и развивает концепцию, представляющую эклектическую смесь идеалистическо-рационалистического толка. Ярким выражением этой концепции является мысль Хомского о врожденном характере языковых структур»³.

Свою аргументацию социолингвисты, однако, отстаивают с неодинаковой силой. Это объясняется характером требований, предъявляемых ими к своей дисциплине. Некоторые ученые (например, В. Фромкин) предъявляют к социолингвистике требования, согласно которым ее главной задачей является построение теории языкоупотребления. Эти социолингвисты видят в своей дисциплине вспомогательную науку, подчиненную грамматике в широком смысле,—изучению синтаксиса, семантики и фонологии. Принимая дихотомию языковой компетенции и исполнения, они строят модели языкоупотребления, основанные на включении данных о реальном использовании языка в общую схему его описания. Но от этого только выигрывает теория языковой компетенции, которая благодаря такой «слабой» социолингвистике получит дополнительный импульс.

Другие ученые (например, У. Лабов), предъявляющие сильные требования к социолингвистике, отвергают дихотомию «компетенция—исполнение». Они прежде всего выступают против вывода, будто в языкоупотреблении нет структуры, вследствие чего реальная речь якобы не поддается научному описанию. Вслед за такими философами, как Дж. Остин и Дж. Серль, эти социолингвисты видят в своей дисциплине самостоятельную науку, которая, по их мнению, во многом совпадает с лингвистикой вообще. Согласно сторонникам сильных требований социолингвистики, все зависит от того, что следует понимать под «совершенным знанием языка». Все целиком это знание нельзя рассматривать как компетенцию идеального

² Р. Белл, Социолингвистика. Цели, методы, проблемы, М., 1980, с. 38.

³ Г. Б. Джаукян, Общее и армянское языкознание, Ереван, 1978, с. 13.

говорящего-слушающего, т. е. как *языковую* компетенцию. Оно шире языковой компетенции. Последняя представляет собой лишь часть его. В целом же «совершенное знание языка» — это *коммуникативная компетенция*. Главную задачу лингвистики эти социолингвисты видят в исследовании коммуникативной компетенции говорящего-слушающего, которая как «совершенное знание языка» включает в себя его знание не только о грамматически правильном, но и о социально приемлемом.

С различием слабых и сильных требований к социолингвистике связывается различие социолингвистики в узком и широком смысле. Социолингвистика, предъявляющая к себе слабые требования, обозначается термином «социолингвистика» (собственно социолингвистика). Социолингвистика же, предъявляющая к себе сильные требования, обозначается термином «социология языка»⁴. Однако подобное разграничение социолингвистики, понимаемой как теория языкоупотребления, и социологии языка, понимаемой как теория коммуникативной компетенции, принять нельзя. Противопоставление собственно социолингвистики и социологии языка, по сути дела, лишь закрепляет дихотомию языковой компетенции и языкоупотребления, введенную Н. Хомским и принятую большинством лингвистов, представляющих ортодоксальную («асоциальную») лингвистику.

Если теория языковой компетенции тесно связана с представлением о языке как о закрытой системе, то теория коммуникативной компетенции тесно связана с представлением о языке как об открытой системе. Язык как закрытая система считается независимым от контекста его употребления, язык как открытая система считается определенным образом зависимым от контекста его использования. В то время как представители «ортодоксальной» лингвистики смотрят на язык как на закрытую систему, представители социолингвистики смотрят на язык как на открытую систему. Так как социолингвистика устанавливает языковые корреляции социального расслоения общества, она, более конкретно, смотрит на язык как на открытую коррелированную систему. Вместе с тем представление о языке как о закрытой системе не отбрасывается полностью. С точки зрения зарубежной социолингвистики язык — это сложная открытая система, содержащая очень важную закрытую подсистему. Поэтому социолингвисты ставят своей задачей построить такую модель языка, которая соответствующим образом совмещала бы представления о языке как о закрытой и открытой системе.

Понятие языковой компетенции затрагивает знание языкового кода, т. е. нормы языкового поведения. Знание кода (нормы) соответствующего языка предполагает способность идеального говорящего-слушающего распознавать грамматически правильные предложения на своем языке. Согласно теории языковой компетенции, очень важно, чтобы предложения, рассматриваемые с точки зрения их грамматичности, брались вне контекста. В то же время считается, что языкоупотребление (в отличие от «языка»), не имея структуры, не обладает кодом. Выходит, таким образом, что понятие кода применимо лишь к «языку», понимаемому как монолитная структура.

Согласно социолингвистической теории, кодами могут быть не только самостоятельные языки, но также стили и диалекты. В противоположность взгляду на язык как на монолитную структуру

⁴ Р. Белл, указ. соч. с. 48.

(т. е. как на гомогенный объект) социолингвистика определяет язык как «пучок кодов». Зарубежные социолингвисты исходят из того, что в обществе носителю языка приходится исполнять много ролей во многих социальных ситуациях. В соответствии с этим считается, что носитель языка обладает не одним, а множеством («пучком») языковых кодов, составляющих его языковой репертуар. Из этого репертуара носитель языка (при общении с другими носителями языка) осуществляет выбор такого кода, который соответствует роли, исполняемой им в данной социальной ситуации. Языковое поведение носителя языка состоит, таким образом, в «переключении кодов».

Согласно взгляду на выбор кода, билингвизм представляет собой всего лишь особый случай кодового переключения. Такой подход к проблеме билингвизма можно считать вполне обоснованным. Для зарубежных социолингвистов билингвизм, рассматриваемый как особый случай кодового переключения, служит лучшим подтверждением тезиса, что кодами в равной мере могут быть не только самостоятельные языки, но также стили и диалекты.

Понятие коммуникативной компетенции касается уровня *дискурса*, т. е. использования языка на более высоких уровнях, чем уровень предложения. *Дискурс*—предельная единица описания языка, предлагаемая социолингвистами. При анализе кода, опирающемся на допущения и аксиомы современной дескриптивной лингвистики, предложение составляет высший предел исследования. Составные части предложения—часть предложения, словосочетание, слово, морфема. Однако при анализе связной речи, опирающемся на идеи социолингвистики, самой крупной единицей исследования считается *дискурс*—языковая структура, в которой предложения сами образуют составные части. В сцеплении предложений важную роль играет их риторическая связность. Поэтому задачей социолингвиста при исследовании дискурса является нахождение корреляций между риторической связностью и ситуативной спаянностью отрезка. Таким образом, анализ дискурса должен не просто показать, как одно предложение (языковая форма) связывается с другим, но сконцентрировать внимание на том, в какой социальной ситуации употребляется языковой отрезок, превосходящий предложение.

Согласно мнению большинства зарубежных социолингвистов, носитель языка оказывается способным обмениваться информацией с другими носителями языка посредством коммуникативной, а не языковой компетенции. Р. Белл, рассматривая общую коммуникативную систему, доступную человеку, строит модель коммуникативной компетенции, включающую различные «каналы и содержание коммуникации»⁵. Коммуникативные каналы подразделяются на язык (слова), псевдоязык (суррогаты слов—кивки, качание головой, восклицания типа «фу ты!») и параязык (поза, пространственная близость, одежда, жестикация, выражение лица, характер голоса и т. д.). Содержание коммуникации, под которым понимается «содержание информации», включают три типа информации: познавательный (когнитивный), индексальный и регулятивный («информация ведения интеракции»). Когнитивная информация покоится на знании грамматики (языковая компетенция), индексальная и регулятивная информация—на знании социальных норм общения. Считается, что когнитивная информация осознается говорящим, в то время как два других типа информации

⁵ Там же, 97—105.

(индексальный и регулятивный) не находятся под его сознательным контролем. В то же время все три вида информации осознаются слушающим, который в своей окончательной оценке значения того, что он слышит (когнитивная информация) зависит от двух последних видов информации. При когнитивном типе информации значение высказывания берется таким, каким оно должно быть с точки зрения семантики. Однако для полной интерпретации высказываний говорящего слушающий нуждается в индексальном типе информации, сообщаемом о социальном статусе говорящего. Наконец, успех коммуникации во многом зависит от регулятивного типа информации, благодаря которому участники коммуникации отдают себе отчет в том, на каком этапе общения они находятся—в начале, середине или конце коммуникации.

Считается, что между выбором канала коммуникации и типом информации имеется взаимосвязь, выражающаяся в достаточно сильных «корреляциях» между ними. Для общей характеристики отношения между каналом и содержанием коммуникации можно предположить следующие корреляции. Когнитивная информация передается, как правило, средствами языка (словами) и лишь в отдельных случаях средствами псевдоязыка (суррогатами слов). Индексальная информация передается с помощью всех трех каналов. Передача регулятивной информации, или ведение интеракции, осуществляется преимущественно средствами параязыка, в первую очередь посредством движений головы и глаз.

Оценка теории коммуникативной компетенции должна быть дифференцированной, отделяющей верное в ней (рациональное зерно) от неверного. Известно, что для владения языком знание социальных норм его употребления не менее важно, чем знание грамматических правил языка. Однако реализация этой важной идеи осуществляется с помощью методологических принципов генеративизма, чуждых социолингвистике. Более конкретно, неверное в теории коммуникативной компетенции состоит в том, что понимание значения социальных норм языкоупотребления строится на понятии языковой компетенции так называемого «идеального» (а не реального) говорящего-слушающего. Благодаря этому коммуникативная компетенция и рассматривается как «врожденное знание, позволяющее носителю языка создавать и понимать высказывания—вводить в оборот знаки коммуникативных актов—в контексте»⁶. Подобный (во многом генеративистский) подход к пониманию значения социальных норм употребления языка делает теорию коммуникативной компетенции, а с ней и зарубежную социолингвистику вообще, уязвимой от влияния так называемой ортодоксальной лингвистики.

Под влиянием ортодоксальной («асоциальной») лингвистики в зарубежной социолингвистике наметились два подхода к концепции коммуникативной компетенции. Один из них представлен прежде всего антропологической точкой зрения Д. Хаймса⁷, другой—прежде всего социолингвистической точкой зрения Ю. Хабермаса⁸.

⁶ Там же, с. 273—274.

⁷ D. Hymes, On Communicative Competence (In: J. B. Pride & J. Holmes (eds.), Sociolinguistics: Selected Readings, Harmondsworth, 1972, p. 269—293.

⁸ J. Habermas, Toward a Theory of Communicative Competence (In: H. P. Dretzel (ed.), Recent Sociology, N. Y., 1970, p. 114—148).

Из трех аспектов варьирования—говорящий-слушающий, речевой коллектив и ситуация реального употребления языка—Хомским объявлялись идеализируемыми два первых элемента. Его «идеальный» говорящий-слушающий является членом «однородного» (т. е. опять-таки «идеального») речевого коллектива. Хаймсом понятие коммуникативной компетенции берется в смысле владения языковыми кодами на основе «реального культурного поведения». В соответствии с этим все три аспекта варьирования Хаймсом описываются с помощью термина «реальный». Однако последний аспект—ситуативно обусловленное употребление языка—благодаря антропологическому фактору культурного (т. е. идеализированного) поведения является в то же время идеализируемым.

В концепции коммуникативной компетенции Хабермаса этот третий аспект варьирования оказывается более идеализированным, чем в концепции Хаймса. Согласно Хабермасу, различие Хомским языковой компетенции и языкоупотребления не учитывает того, что речевые акты помимо лингвистического (грамматического) смысла имеют также прагматический (ситуативный) смысл. Посредством речевых актов мы создаем не только грамматически правильные предложения, но также и всеобщие структуры возможных речевых ситуаций, обозначаемые Хабермасом как «прагматические универсалии», которые и есть теория коммуникативной компетенции. В отличие от Хаймса, который применяет понятие коммуникативной компетенции в смысле владения языковыми кодами, Хабермас применяет его в смысле владения «прагматическими универсалиями». Хабермас перечисляет пять видов «прагматических универсалий»: 1) личные местоимения; 2) слова и обороты, употребляемые для начинания речи и обращения; 3) дейктические выражения (пространства, времени); указательные местоимения, артикли, числительные; 4) глаголы исполнения; 5) интенциональные глаголы, не подлежащие употреблению в значении исполнения, некоторые модальные наречия. По Хабермасу, владение «прагматическими универсалиями» влечет за собой «идеальную» речевую ситуацию, более идеализированную, чем в концепции Хаймса.

Анализ проблемы языковой и коммуникативной компетенции в зарубежной социолингвистике показывает, что «социолингвистам удалось внести ряд существенных коррективов в понятие компетенции. Выдвигаемая ими теория коммуникативной компетенции, несомненно, содержит рациональное зерно»⁹. Однако рациональная сторона этой теории может получить действительное развитие лишь на основе полного отказа от методологических принципов генеративизма.

ԼԵԶՎԱԿԱՆ ԵՎ ՀԱՂՈՐԴԱԿՑԱԿԱՆ ԿԱՐՈՂՈՒԹՅԱՆ ԽՆԴԻՐԸ
ԱՐՏԱՍԱՀՄԱՆՑԱՆ ՀԱՆՐԱԼԵԶՎԱԲԱՆՈՒԹՅԱՆ ՄԵԶ

ԷՎԵՆԱ ՄՈՎՍԻՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ո ի մ

Լեզվական կարողության հասկացությունը ենթադրում է լեզվական կողմի աշխիւնը լեզվական վարքի նորմաների իմացություն: Տվյալ լեզվի կողմի (նոր-

⁹ А. Д. Швейцер, Предисловие (К кн.: Р. Белл, указ. соч., с. 12).

մայի) իմացությունը նշանակում է «իդեալական խոսող-լսողի»՝ այդ լեզվի քերականորեն ճիշտ նախադասությունները ճանաչելու կարողություն:

Արտասահմանյան հանրալեզվաբանները ելնում են այն բանից, որ լեզուն կրողը հասարակության մեջ հասարակական տարբեր իրադրություններում կատարում է բազմաթիվ դերեր: Համապատասխանաբար ընդունված է կարծել, որ լեզուն կրողը տիրապետում է ոչ թե մեկ, այլ բազմաթիվ լեզվական կողերի, որոնք կազմում են նրա խոսքացանկը: Այդ խոսքացանկից լեզվակիրը ամեն անգամ ընտրում է այնպիսի կող, որը համապատասխանում է հասարակական տվյալ իրադրությունում իր կատարած դերին: Այդպիսով, լեզուն կրողի լեզվական վարքը իրենից ներկայացնում է «կողերի փոխանցում»:

Արտասահմանյան հանրալեզվաբանության մեջ լեզվական և հաղորդակցական կարողության պրոբլեմի վերլուծությունը ցույց է տալիս, որ հանրալեզվաբանները մի շարք էական ճշգրտումներ են մտցրել լեզվական կարողություն հասկացողության մեջ: Հաղորդակցական կարողության հանրալեզվաբանական տեսությունը ունի արժեքավոր ձեռքբերումներ, որոնք կարող են իրենց հետագա զարգացումը ստանալ ստեղծագործության որոշ սկզբունքներից հրաժարվելու և մեթոդաբանական ճիշտ հիմքի վրա դրվելու դեպքում: